

Кравчик М.А.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры искусствovedения и общегуманитарных дисциплин
Международного гуманитарного университета

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ КАК СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОШЛОГО

Аннотация. В статье рассматривается проблема исторической реальности с точки зрения существования двух основных подходов. Первый, ориентированный на теоретическое осмысление прошлого, решает эпистемологические проблемы исторической науки. Второй, в котором, память представлена как особый способ сохранения опыта прошлого, актуализируется проблемами настоящего.

Ключевые слова: историческая реальность, история, исследования памяти, теория

Постановка проблемы. История как специализированная научная дисциплина начинает формироваться в европейской гуманитарной мысли только в XIX веке, что выглядит довольно необычно, учитывая тот факт, что впервые прозаические произведения, в названии которых появился термин «ἱστορίη» («история») появились ещё VI-V веках до нашей эры в Древней Греции (Иония). А сходное с ним понятие «ἱστορ» («истор») часто встречалось у Гомера в «Илиаде» и «Одиссее» [2, с.278-279].

Более того, на всем протяжении развития античной и европейской культуры существует огромное (практически необозримое) количество таких произведений, которые относят к рубрике «исторические произведения». Однако, несмотря на это, история становится наукой достаточно поздно. И практически с момента её возникновения не утихают оживленные и продолжительные дискуссии о предмете этой науки, её методологии и месте в системе других гуманитарных дисциплин. В этих дискуссиях принимают участие, как философы, так и историки, выдвигая различные интерпретации понятий «исторического», «истории», «исторической реальности».

В данной статье основное внимание уделено анализу понятия «историческая реальность», которое находится в центре современных теоретических и методологических дискуссий. Что такое историческая реальность? Каким образом эта реальность репрезентирует прошлое? Возможно ли знание прошлого и каким образом? Когда и почему мы обращаемся к исследованию прошлого? и т.д.

Анализ актуальных исследований. В современной философской и исторической литературе

проблема исторической реальности рассматривалась в многочисленных исследованиях как западных философов (Ф.Ницше, М.Хайдеггер, М.Фуко, Ж.Деррида), так и историков (Р.Дж. Коллингвуд, М. Блок, Л. Февр, Р. Козеллек, Ф. Анкерсмит, П. Рикер, Й. Рюзен, А. Мегилл и др.). В отечественной исторической литературе можно выделить имена Я. Грицака, Н. Яковенко, Л. Зашкильняка, В. Смолия, И. Колесник, Г. Касьянова и т.д., в работах которых разрабатывались проблемы современной украинской историографии. В советской и российской историографии наиболее значительными работами в области исторической эпистемологии являются работы А.Гуревича, Л.Баткина, Л.Репиной, И. Савельевой, А.Полетаева, М. Кукарцевой и многих других.

Целью статьи является анализ понятия «историческая реальность», в котором репрезентация прошлого представлена двумя различными подходами — теоретическим в рамках исторической науки и исследованиями памяти в новой культурной истории.

Изложение основного материала. Уже в античной исторической мысли можно выделить имена двух древнегреческих авторов — Геродота (485 — 425 до н.э.) и Фукидида (ок. 460 — 399-396 до н.э.), традиционно считающихся отцами-основателями истории как особого знания о событиях прошлого. Собственно, первоначально только Геродоту в античности был присвоен этот титул. Так назвал его Цицерон, рассуждая об особенностях исторического повествования в своем диалоге «О законах», и благодаря авторитету Цицерона, этот титул закрепился за Геродотом на все последующие столетия [16, I.1.5].

Но, ни Геродот, ни Фукидид не использовали для названий своих сочинений понятие «история». На основании преданий известно, что Геродот назвал своё сочинение «Музы», вследствие этого позднее «александрийские публикаторы разделили работу Геродота на девять глав, приписав каждой главе имя одной из муз, а всю работу озаглавили «Ἱστορίων...» (родительный падеж множественного числа), т. е. на русский язык это название (Ἱστορίων βιβλία εννέα) можно перевести как «Девять книг историй» [13, с. 19]. Однако в тексте

Геродота можно встретить слова, производные от слова «история» («ἱστορίας ἀπόδειξις», «ἱστορίησι» и др.). Фукидид же в своём сочинении «использовал термин «ζυνέγραψε, «записал» (в других вариантах написания — ζυγγραφή, συγγραφή), который и переводится обычно как «написал историю...» [Там же].

Только у Аристотеля появляется сам термин «история» [1]. И затем в эпоху эллинизма III-I вв. до н.э. история становится широко распространённым литературным жанром, и появляются труды, использующие слово «история» в названии: «именно тогда оно приписывается к сочинениям более ранних авторов — Гекатея, Геродота и Фукидида, — и их устойчиво начинают называть «историками» [13, с.20].

Однако, несмотря на столь позднее наименование, труд Геродота был новаторским во многих отношениях. Важной характеристикой этого труда было то, что Геродот составил его в соответствии с определенными намерениями и по продуманному плану. Так свою цель он проясняет уже в самом начале сочинения: «Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение, и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом» [5, кн.1.1].

У Геродота присутствует ясное понимание цели своего повествования — сохранить от забвения события и деяния (ἔργα) людей, а также выявить причины войны персов и греков. Как справедливо отмечает А. Мегилл, использованная Геродотом апелляция к памяти, подразумевает нечто иное, чем это принято в современных исторических исследованиях: «память в трактовке Геродота — не тоже самое, что память в современном понимании» [7, с.94]. В рассказах своих современников, которые он тщательно собирал, его интересовали сами события прошлого как таковые, а не способ их запоминания, т.е. он стремился к постижению исторической реальности, к воссозданию свершившихся событий и установлению их причин.

Причем заслугой Геродота можно считать то, что он стремится сохранить некоторую объективность и описывать «как эллинов, так и варваров». То, что Геродот, будучи знакомым с Периклом, Софоклом, Фидием, являясь по некоторым источникам учеником Анаксагора, восхищаясь афинскими законами и порядками (демократией), не испытывал вражды и ненависти к персам было достаточно необычным. Об этом свидетельствуют обвинения в ненависти к грекам и в «любви к варварам» (φιλοβάρβαρος), выдвинутые Плутархом относительно Геродота [11, I].

Галикарнаский историк исходил из позиции исследователя, который стремится не вносить собственных оценок и мнений по поводу изображаемых им событий, предоставляя их разные интерпретации и версии. Геродот предусмотрительно напоминает в разных местах своего произведения: «мой долг передавать всё, что рассказывают, но верить всему я не обязан. И этому правилу я буду следовать в своём историческом труде» [5, кн. 7, 132]. Таким образом, согласно Геродоту, история — это некоторый вид знания, полученный из самых разных источников с помощью расспросов или благодаря личному свидетельству.

Такое понимание истории не являлось его личной заслугой, но было в тот период широко распространённым. Действительно, самым древним из известных значений термина «история» «является «познавательный акт», или «процесс познания». Это значение возникает ещё в ионической Греции и сохраняется вплоть до первых веков н.э. как в греческом, так и в латинском языке» [13, с. 27]. В значении «исследование» оно употребляется у Фалеса Милетского [14, с. 118]. В значении «знание» его употребляет Гераклит, когда указывает, что «много знатоками (πολλῶν ἱστορας) должны быть любознательные мужи» [6, с. 191]. Также Гераклит употребляет этот термин в значении «собираение сведений» по поводу Пифагора: «Пифагор, Мнесархов сын, занимался собиранием сведений (Πυθαγόρης Μνησαρχοῦ ἱστορίην) больше всех людей на свете и, понадегав себе эти сочинения, выдал за свою собственную мудрость, многознание и мошенничество» [6, с.197].

Значение истории как «процесса познания» обосновывал А. И. Немировский. Он отмечал, что «у философов-ионийцев термин *historiē* (ἱστορίη — М.К.) употреблялся для обозначения исследования природы, т. е. обнимал биологию, космологию, всю философию. Те ионийские авторы, которых впоследствии стали называть историками, т. е. Гекатей, Гелланик, Геродот и другие, распространили исследование — «историю» — и на область человеческого бытия в самом широком смысле этого слова, описывая расселения народов, их обычаи, удивительные сооружения» [8, с.21].

Это утверждение А. И. Немировского о том, что первые ионийские мыслители (Фалес Милетский, Анаксимандр, Анаксимен) называли свои исследования «историей» согласуется с мнением Дж. Барнета. В своей работе «Ранняя греческая философия» английский исследователь отмечал, что «ионийская наука была представлена в Афинах Анаксагором во времена Еврипида и оказала на последнего значительное влияние. И знаменательно, что во фрагменте Еврипида изображается

блаженство жизни, посвященной научным занятиям (історія) (В данном случае історія – это аттическое написание понятия «история» – М.К.)» [19, р. 7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что первоначально термин «история» использовался для обозначения исследования с целью получения некоторого знания. В этом значении более убедительным выглядит подход к историческому сочинению Фукидида, которого вполне справедливо называют создателем метода научной историографии.

Своё описание исторической реальности Фукидид основывает на двух основных способах: первый – «изображать те события, при которых самому довелось присутствовать», второй – «разбирать сообщения других со всей возможной точностью». Для этого Фукидиду необходима определённая историческая теория, с помощью которой он сможет объяснить и интерпретировать те или иные события. Иными словами, репрезентация событий прошлого осуществляется им на основании определённой теории. И в рамках этой теории события приобретают либо существенное значение и тогда они получают объяснение, либо они оказываются незначительными и в этом случае о них историк умалчивает, т.е. не считает необходимым упоминать.

Сущность такой исторической теории Фукидид видит, прежде всего, в обращении к изучению общественной и политической деятельности. Таким образом, «Фукидид окончательно придает историописанию сугубый политический характер» [15, с. 122]. В этом смысле его можно считать «отцом политической истории», и в определённой мере, даже политической философии.

Именно с Фукидида начинается парадигма исторического повествования как описания политических событий прошлого (*res gestae*). Фукидид также был первым, кто использовал рационалистический подход к анализу событий и явлений действительности. Эту роль Фукидида настойчиво подчеркивает немецкая традиция XVIII в., представленная оценкой И. Канта, утверждавшего, что «Фукидид – основатель истинной истории» [Цит. по 4, с. 153]. Затем она была продолжена Б.Г. Нибуrom, Эд. Мейером, Л. фон Ранке, К. Мюллером, которые, выдвигая Фукидида на первое место по сравнению с Геродотом, считали его по-настоящему объективным, строгим и достоверным историком. В дальнейшем эту же точку зрения с некоторыми оговорками разделяли советские историки В.П. Бузескул, С.Я. Лурье, А.И. Немировский, Э. Д. Фролов и др. и она в той или иной степени сохраняется до сих пор.

Однако специфика исторического познания, обращенного к изучению прошлого, продолжала оставаться предметом философских дискуссий в начале XIX в., что привело к появлению историзма (В.Дильтей, Г.Риккерт, В.Виндельбанд), а затем и к поиску новых онтологических оснований истории (М. Хайдеггер, Г.-Г.Гадамер). В середине XX в. значительно расширилось проблемное поле исторического исследования, которое стало охватывать всю совокупность культурно-социальных отношений прошлого, включая ментальность, социальные отношения, культурные традиции, формирование национальной идентичности и т.д. В русле этого процесса появление и бурное развитие целого направления – *memory studies* – открыло новые проблемные области исторического познания. Создание этого направления в 1980-90-х годах ознаменовалось значительным потоком работ западно-европейских историков (П. Нора [10], Я.Ассман [3], О.Г. Эксле [17] и др.). В настоящее время количество работ настолько возросло, что делается вывод о развитии «парадигмы памяти» в социально-гуманитарном познании [12].

Причинами, обусловившими этот возросший исследовательский интерес к «мемориальной истории» разные авторы определяют по-разному. Так, в исследованиях «памяти» появилось «новое отношение к документам, в том смысле, что последние не отражают, а интерпретируют прошлую реальность, и поскольку реконструкция прошлого в таких условиях – цель недостижимая, задача историографии – конструируя искомое прошлое, помочь индивидам и социальным группам (особенно маргинальным) обрести собственную идентичность. Именно это время характеризуется активным обращением историков к проблеме памяти» [12, с.6].

С этим мнением можно вполне согласиться, поскольку историческое познание, занимаясь изучением прошлого, всегда оказывало влияние на формирование коллективной идентичности на самых разных уровнях, начиная с уровня цивилизационного и возвращаясь к идентичности локальной культуры или группы. Действительно, историческое сознание и историческая память народа имеют функции производства, сохранения и передачи исторической и иной информации, формирования личной и групповой идентичности.

В *memory studies* «главным предметом истории становится не событие прошлого, а *память* о нем, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников, транслировался непосредственным потомкам» [12, с.9]. Исходя из этого, определённая часть историков стала рассматривать историописание как форму культурной (социальной) памяти. Так, П. Бёрк отмечает,

что историки разных мест и времён сохраняют в качестве достойных памяти разные аспекты прошлых событий и изображают их очень по-разному, в соответствии с господствующей в их группе оптикой [18]. Очевидно, что «история памяти» отходит от задачи создания объективного образа прошлого, она не задаётся вопросом об истинности или ложности тех или иных воспоминаний. Её интересуют причины создания, поддержания или изменения определённого образа прошлого. Именно к такой цели стремился П.Нора в своей работе «Места памяти» (1984 — 1992).

Обосновывая новый вектор развития исследований прошлого, французский историк отмечает, что «у нас нет больше общей почвы с прошлым. Мы можем обрести его лишь через реконструкцию — с помощью документов, архивов, памятников. Эта операция превращает «память» — тоже конструируемую — в модное имя для того, что прежде называли просто «историей». В этой глубокой и опасной инверсии смысла тоже проявляется дух времени. Слово «память» получило такой общий и экстенсивный смысл, что имеет тенденцию вообще попросту вытеснить слово «история» и поставить занятия историей на службу памяти» [9].

Таким образом, можно сделать некоторые **выводы**: 1) обращение к истокам возникновения исторического познания показывает, что история рассматривалась как такая область исследования явлений и событий, в которой решаются эпистемологические проблемы, т.е. истинность, достоверность, объективность репрезентации прошлого. Впоследствии история стала развиваться как особая гуманитарная наука, предметом изучения которой являются события прошлого; 2) в современных исследованиях актуализируются исследования, в которых репрезентация прошлого имеет своей целью не познавательные, но социально-культурные задачи — воссоздание национальной, этнической, культурной идентичности, влияющей на развитие и существование определенных этносов, культур, субкультур и социальных групп.

В данной статье предпринята попытка обратить внимание на различие целей и задач методологических инструментов этих двух основных подходов. Но предметом дальнейшей дискуссии остаются вопросы взаимовлияния и взаимодействия этих подходов в процессе конструирования исторической реальности.

Литература:

1. Аристотель. Поэтика / Пер. М. Л. Гаспарова. — Аристотель. Сочинения: В 4-х т. — М.: Мысль, 1983. — Т. 4. — 830с.
2. Артог Ф., Вернер М. Історія /Європейський словник філософій: Лексикон неперекладностей. Т. 2. — К.: Дух і літера, 2011. — С. 278-292.
3. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности/ Ян Ассман / Пер. с нем. М. М. Сокольской. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368с.
4. Безускул В.П. Введение в историю Греции. Лекции по истории Греции / В.П. Безускул. — СПб.: Коло, 2005. — 670с.
5. Геродот. История/ Пер. Г. А. Стратановского. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vehi.net/istoriya/grecia/gerodot/index.shtml>
6. Лебедев А.Н. Фрагменты ранних философов / А.В.Лебедев. — М.: Наука, 1989. — 535с.
7. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. — 480 с.
8. Немировский А.И. Рождение Клио: у истоков исторической мысли / А.И. Немировский. — Воронеж, 1986. — 349с.
9. Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. — С. 17-50.
10. Нора П. Всемирное торжество памяти / Пьер Нора // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2-3 (40-41). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/>
11. Плутарх. О злокозненности Геродота // Лурье С.Я. Геродот. — М.-Л.: изд-во Академии наук СССР, 1947. — С. 161-202. — 210с.
12. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) / Л.П.Репина. — Препринт WP6/2003/07 — М.: ГУ ВШЭ, 2003. — 44с.
13. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом. Теория и история. В 2-х т. Т.1. Конструирование прошлого / И.М.Савельева, А.В.Полетаев. — СПб.: Наука, 2003. — 632с.
14. Тахо-Годи А.А. Ионийское и аттическое понимание термина «история» / А.А. Тахо-Годи // Вопросы классической филологии. Вып.2 — М.,1969. — С. 115-127.
15. Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли / Э.Д.Фролов. — Л.: изд-во ЛГУ, 1991. — 440с.
16. Цицерон М.Т. О законах //Марк Туллий Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах. / Пер. В. О. Горенштейна. Отв. ред. С. Л. Утченко. — М.: Наука, 1966. — 224 с.
17. Эксле О. Г. «История памяти» — новая парадигма исторической науки // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной / Отто Г. Эксле. — М.: ЛКИ, 2012. — 603 с.
18. Burke P. History as social memory // Memory, History and the Mind / Butler T. (ed.). Oxford, 1989. — 450 p.
19. Burnet J. Early Greek philosophy. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: archive.org/details/burnetgreek00burnrich

Кравчик М.О. Історія та пам'ять як засоби репрезентації минулого. — Стаття.

Анотація. В статті розглядається проблема історичної дійсності з точки зору існування двох основних підходів. Перший, що орієнтується на теоретичне осмислення минулого, вирішує епістемологічні проблеми історичної науки. Другий, в якому пам'ять є особливим засобом зберігання досвіду минулого, що пов'язаний з вирішення актуальних проблем сучасності.

Ключові слова: історична дійсність, історія, дослідження пам'яті, теорія

Kravchik M.A. History and Memory as a Ways of Representation of the Past. —Article.

Summary. The problem of historical reality as a representation of the past, in which there are two main approaches. The first, focused on the theoretical understanding of the past, decides to epistemological problems of historical science. The second, in which the memory as a special way to preserve the experience of the past, present challenges is updated.

Key words: history reality, history, memory studies, theory.